

Селение, скрытое в листве. Конохагакуре но Сато. Или же просто Лист — Коноха. Одна из пятёрки великих деревень, которые основали шиноби для других шиноби. Объединив свои усилия, люди с огромной силой сплотили могущественные кланы ниндзя и тогда эпохе вечных войн настал конец. Или по крайней мере так только казалось. До тех пор, пока люди не найдут согласие по неисчислимым вопросам, мир невозможен, какую бы форму не приняло общество, как бы сильно не изменились мировые порядки.

Если ранее стычки шиноби в большинстве своём несли более локальный и хаотичный характер, то теперь они приобрели целостность и массовость. Конечно, самих сражений стало значительно меньше, но их новый масштаб был просто катастрофичен. Гибли целые фамилии, отцы, матери, ещё молодые и уже старые, подростки и дети. Не все тела погибших добирались до родины, многих забывали, а гражданские вовсе никого не волновали.

Дикие, абсолютно отвратительные многим обстоятельства.

Сатору Годжо с пустым выражением лица смотрел на то, с каким буднично серьёзным видом его новоявленная учительница азам чакры Канна протирала мемориальную плиту. На холодном камне было выгравировано всего четыре иероглифа, в которых можно было прочесть имя и фамилию умершего человека: «Симидзу Такуя». Чуть ниже этих кандзи находилась пояснительная дощечка, на которой без особых подробностей раскрывалась история погибшего.

«Не смотря на малый возраст, Симидзу Такуя обладал большим и храбрым сердцем настоящего шиноби. Окружённый врагами, он дал возможность спастись своим младшим товарищам. Честь ему и удачи в загробной жизни.» — Читая каждую линию, чёрточку и знак, Сатору не менялся в лице.

Однако его хватка на стеблях нескольких цветов в букете, который он нёс в своих руках, стала немногим сильнее, чем была прежде. Бывший шаман знал, что фамилию Симидзу носила и его новая знакомая. Это её родственник, а если судить по опрятному внешнему виду камня мемориала, то умер он относительно недавно, и в то «недавно» он считался очень юным. Канна не посвящала Годжо в подробности происходящего, просто попросив его помочь с уходом за памятником. Впрочем, всем самым важным занималась только она лично, а он так — просто в стороне стоял, держа в руках цветы.

— Сатору, передай цветы, пожалуйста. — Повернувшись к нему лицом женщина слабо улыбнулась, глаза у неё были непривычно рассеянными и болезненными.

— ... — Мальчик молча протянул очень дорогие тюльпаны редкого сорта своей учительнице, слабо поджав губы.

Его самого окатили воспоминания былых лет: как он на руках нёс труп Рико Аманаи; позже умер его товарищ-шаман Юу Хайбара из-за неправильной информации по отданной ему миссии; Гето Сугуру, на которого все эти события произвели чудовищное впечатление, выбрал кривую дорожку и всё-таки вынудил своего лучшего друга Сатору Годжо убить его; тысячи смертей гражданских из-за неправильного решения и промедления во время так называемого инцидента в районе Сибуя, в числе которых была и его ученица Кугисаки Нобара, ещё один его близкий знакомый Нанами Кенто; король проклятий Рёмен Сукуна, который позже захватил тело ещё одного ученика сильнейшего шамана современности, пока последний был запечатан в тюремном царстве. В битве с монстром из былой эпохи шестиглазый шаман не сдерживался вообще, так что и Мегуми Фушигуро, скорее всего, тоже мёртв.

Жнец кружился вокруг мира шаманов без устали, постоянно забирая почившие души. Снова и снова, раз за разом, без конца... И так по кругу, без исключений. В конце концов даже он, сам Годжо Сатору, был убит. Теперь высказанные им слова о победе, которую он собирался уверенно одержать, вызвали у него разве что печальную иронию.

«Всё-таки Нанами был прав. Дерьмо это — быть шаманом. И шиноби, выходит, тоже.» — Редко когда он позволял себя думать в таких серых тонах. — «Очень жаль, что по-другому я не умею.»

Сатору Годжо с отстранённым видом наблюдал за тем, как Канна заменяла цветы в вазах, которые стояли на мемориальной плите.

Где-то вдалеке гаркали вороны.

Мальчик с волосами цвета соломы наблюдал, как по его большому пальцу медленно «сползает» зелёный лист с дерева прямо к ладони. Это одно из упражнений, самое простое из них, которые Канна разъяснила Сатору. Он не имел возможности полноценно управлять собственной чакрой, но вот хорошо постаравшись он мог её «подтолкнуть». Толкая эту мистическую энергию, он заставлял её покидать Тенкецу, вызывая вот такой вот забавный эффект — лист слегка прилипал к его коже. Предполагалось, что на поздних стадиях упражнение усложнится: добавится множество других листьев, путь их перемещения станет извилистее, а скорость увеличится.

Между прочим, такое свойство чакры напоминало ему о его проклятой технике, которой он раньше владел. Безграничность. В своей нейтральной форме она воплощала вокруг пользователя Бесконечность, существующую везде и повсюду, и любые движущиеся атаки, пытаясь пройти через эту бесконечность, в такой же бесконечной степени и замедлялись. Воплощённая в реальность Бесконечность делила первоначальную скорость любой атаки, которая её имела, в геометрической прогрессии, делая так, что она никогда не достигнет пользователя проклятой техники Безграничности.

Усиливая «вращение» проклятой энергии, что высвобождало врождённую проклятую технику пользователя, Годжо Сатору получал так называемый Синий — искусственно созданная аномалия, которая позволяла ситуации отрицательных натуральных чисел стать явью. Минус одного яблока в природе существовать не может, это математическая модель, и это яблоко либо есть, либо его нет вообще. Синий и являлся тем самым «минус одно яблоко», аномалия, которую сам мир стремился исправить, заполняя неожиданно появляющееся отрицательное пространство имеющимся рядом другим, что создавало сильный гравитационный эффект.

То есть Синий притягивал к себе всё вокруг, прямо как Сатору сейчас «магнитил» к своему пальцу листик. Это совпадение показалось ему забавным. Ради интереса Годжо взял ещё один зелёный инструмент для своей тренировки со случайного дерева и прикрепил его к другой руке. Затем попытался двигать сразу оба листка вдоль рук, но столкнулся с тем, что это требовало большого умственного усилия, но затею всё же не бросил. Человек, державший титул сильнейшего шамана целой эпохи, не мог позволить себе расслабляться во время собственных тренировок!

Тем более что перед зрителями, да ещё такими, сплеховать было бы стыдно...

Два года прошло с тех пор, как Какаши Хатаке завершил основную программу академии шиноби. Сейчас ему было семь лет, с двумя своими напарниками по команде он до сих пор бегал по мелким поручениям гражданских, выполняя миссии низшего ранга. Ему, конечно, успело это приесться, но он терпел. Ниндзя должен строго и непреклонно выполнять букву задания, неважно чем ему для этого придётся пожертвовать — собственным временем или даже командой — значения не имело.

Тем более что... В качестве напарников ему достались такие бездари. И он, такой талант, в возрасте шести лет уже получивший звание чунина, застрял с ними здесь, на грядках. Позор.

— Обито, бери в руки тяпку и помоги нам уже убрать эти сорняки. — Седовласый ребёнок нахмурился, оба его чёрных глаза то и дело дёргались из-за раздражения.

— Да ну их, эти сорняки! — Ворчливо воскликнул черноволосый паренёк, который был на полторы головы выше Какаши и явно старше. — Даже за этим чудачком интересней наблюдать, ты только глянь на его лицо, ха-ха!

Мальчишка покривлялся, когда встретился взглядом с зелёными глазами другого мальчика, который со всем старанием практиковался в улучшении контроля чакры, дразня его. Тот широко ухмыльнулся и состроил крайне забавную гримасу, заставив Учиха Обито в голос расхохотаться. Впрочем, происходящее Годжо от работы с зелёными листьями не отвлекло и тот всё ещё проявлял недюжинное старание.

— Смотри, а он больше понимает, чем ты, Какаши! — Вытирая проступившие слёзы, Обито дразняще улыбнулся члену их команды и несколько раз потыкал в сторону Сатору пальцем. — Учись, пока он тут.

— ... — Веко Хатаке дрогнуло, и он даже на мгновение перестал дышать, но всё же предпочёл промолчать и продолжить работу.

— Обито, не надо так... — Находящаяся рядом девочка, которая тоже со всей ответственностью занималась убором сорняка с полей, строго нахмурилась, как ей казалось. — Перестань издеваться над Какаши и помоги нам.

— Д-да! — Хулиган тут же вытянулся по струнке, на его щеках вспыхнул стыдливый пунец, и он с важностью павлина поправил свою синюю жилетку.

В его руки немедленно легла тяпка, и он с бешеной скоростью принялся за работу, откровенно показушничая для своей сокомандницы. Какаши лишь пренебрежительно отвернулся и устало выдохнул, сохраняя тот же темп, что и прежде.